

Тобою в мрак ночной, беззвездный
 Беспечный брошен человек!
 В ночь умозрительных понятий,
Материалистских малых дел,
 Бессильных жалоб и проклятий,
 Бескровных душ и слабых тел!

<97>

Век расшибанья лбов о стену
 Экономических доктрин,
 Конгрессов, банков, федераций,
 Застольных спичей, красных слов,
 Век акций, рент и облигаций
 И мало действенных умов.

<98>

«Переделать уже ничего нельзя — не переде-
 лает никакая революция».

<99>

Только в Германии поэт чувствовал себя хорошо, — как нигде в Европе.
Полунемец по крови и определенный германofil по убеждениям, Блок го-
 ворит о Германии не иначе, как с нежным пристрастием, а в одном пись-
 ме прямо признается: «очень я люблю немцев».

<99>

«... Меня поразила красота и родственность Германии, ее понятные
 мне нравы и высокий лиризм, которым все проникнуто. Родина готики —
 только Германия, страна, наиболее близкая России, вечный упрек ей».

II

ИЗ МАТЕРИАЛОВ АРХИВА А. М. ГОРЬКОГО

Сообщение Н. И. Д и к у ш и н о й

Среди блоковских документов, хранящихся в Архиве А. М. Горького, несомненный ин-
 терес представляет письмо к Горькому матери Блока А. А. Кублицкой-Пиоттух, написанное
 22 октября 1917 г., т. е. в тот самый день, когда отмечалось 25-летие творческой деятельности
 Горького.

Вот это письмо:

Дорогой Алексей Максимович.

Пользуюсь случаем (25 лет Вашей деятельности) выразить Вам горячее свое
 чувство к светлomu, чистому Вашему облику русского художника. Ваши творе-
 ния вошли в мою жизнь. — А Ваша деятельность идейного большевика дорога
 мне бесконечно. Люди изолгались, привыкли брать обманами. Вы смотрите со-
 бытия и фактам в глаза и не боитесь называть вещи своими именами. И над
 всеми ужасами жизни, во всех Ваших творениях светит великое будущее челове-
 ческого Духа.

Если б у меня был талант и я могла бы присоединить свой голос к воплям
 о мире и разоружении, я бы попросила у Вас место в газете, но — не дано.

Кланяюсь Вам низко с благодарным и восхищенным трепетом души.

А. К у б л и ц к а я - П и о т т у х, по первому мужу — Б л о к, мать поэта.

22 октября 1917 года
 Петербург.

Письмо А. А. Кублицкой-Пиоттух характеризует не только личное ее отношение к Горь-
 кому. Известна духовная близость Блока и его матери, разделявшей убеждения своего сына.
 «Сын был ее исключительной, самой глубокой привязанностью», — писала М. А. Бекетова
 (М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. Л.— М., изд-во «Петроград», 1925,
 с. 35). Неслучайна поэтому подпись «мать поэта».

В письме А. А. Кублицкой-Пиоттх прозвучала высокая оценка личности Горького и его деятельности. В этом смысле оно может быть соотнесено с известным письмом Блока к П. Б. Струве, написанным несколько ранее (30 июня 1917 г.) по поводу предложения вступить в «Лигу русской культуры», и его выступлением в марте 1919 г. на чествовании Горького в редакции «Всемирной литературы».

Блок и его мать считали высшим критерием оценки Горького, человека и писателя, его культурную и общественную деятельность, имевшую такое огромное значение в эпоху революционных событий в России.

Попутно скажем, что имя матери Блока возникает в другом документе Архива А. М. Горького и в другой связи.

После смерти Блока его мать и тетка М. А. Бекетова находились в бедственном положении: тяжесть утраты усугублялась крайне трудными обстоятельствами страшного голодного года в России. Академик С. Ф. Ольденбург обратился в Петроградскую Комиссию по улучшению быта ученых с ходатайством об устройстве А. А. Кублицкой-Пиоттх и ее сестры в общежитие для престарелых ученых. Заявление С. Ф. Ольденбурга слушалось на заседании КУБУ под председательством Горького 30 августа 1921 г., было вынесено решение об устройстве одной из сестер временно, вне очереди в Дом отдыха, поскольку общежитие для престарелых ученых еще не было до конца организовано (АГ).

Драгоценные сведения о последних днях Блока содержатся в воспоминаниях его современников: С. М. Аляевского, Надежды Павлович, К. И. Чуковского, М. С. Шагинян. Мемуарную литературу дополняют материалы об участии Луначарского и Горького в судьбе Блока, опубликованные в 80 томе «Литературного наследства» и XIV томе «Архива А. М. Горького».

Но имеет значение каждый новый факт, каждый документ, освещающий последний период жизни поэта.

В Архиве А. М. Горького сохранились два письма Л. Д. Блок и одно письмо секретаря редакции «Всемирная литература» Е. П. Струковой к Горькому. Первое письмо Любови Дмитриевны написано 21 июня 1921 г., когда начались хлопоты об отъезде Блока в Финляндию. Второе письмо — 1 августа, менее чем за неделю до смерти Блока. Письмо Е. П. Струковой — 6 августа, за день до его кончины.

Приведем тексты этих писем:

1

21/VI 21

Глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Посылаю Вам медицинское свидетельство, составленное консилиумом врачей, и лично к Вам обращенное письмо проф. Троицкого, в котором он указывает то, что не нашел возможным упомянуть в свидетельстве — необходимость заграничной поездки, за неимением благоустроенных санаторий в России. Проф. Троицкий просит это его письмо использовать как документ, если встретится надобность.

Что же касается прошения о выдаче паспорта с опросным листом, который я должна была Вам доставить заполненным Ал. Ал., — его мне не удалось приготовить к сегодняшнему дню. Я натолкнулась на болезненное, происходящее от той глубокой и мучительной полосы неврастения, которая сейчас подавляет Ал. Ал., нежелание ничего предпринимать для своего спасения и неверие в осуществимость его. Тем не менее доктору и мне он обещал, в случае если другие откроют ему возможности выздоровления, — ими воспользоваться. Т. е. если Вы достанете согласие в Москве на его выезд, он сделает все необходимое и выполнит все формальности.

Я знаю о Вашем собственном желании помочь Ал. Ал., знаю, что я не должна просить Вас, но я не могу не сделать этого — на Вас вся моя надежда, и я умоляю Вас спасти его, потому что отъезд — его единственное спасение.

Не обращаюсь к Вам лично, т. к. не отлучаюсь совершенно из дому.

Глубоко уважающая Вас

Л. Блок

2

Многоуважаемый Алексей Максимович.

Еще раз прошу Вас о помощи. Благодаря Вам Ал. Ал. получил пропуск за границу; положение его теперь очень тяжелое и воспользоваться поездкой нужно бы как можно скорее, если наступят дни некоторого улучшения. Поэтому мой пропуск решает все дело; если он опоздает — пропуск Ал. Ал. может оказаться уже бесполезным. Спасайте его, Алексей Максимович, требуйте мой пропуск сейчас же, в течение нескольких дней.

Глубоко уважающая Вас Л. Б л о к

1 авг. 1921 г.

3

Августа 6-го дня 1921 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович.

Посылаю анкеты А. А. Блока. И. Н. Мечников говорил с проф. Игельстромом: виза, санатория, проезд — все обеспечено. Необходимо только срочно получить паспорта для А. А. и для его жены. Паспорта будут визироваться здесь Сальбергом. Если формальности по заполнению и регистрации паспортов отнимут много времени, может быть, по мнению И. Н. Мечникова, легче взять простые удостоверения на выезд с тем, что паспорта будут высланы дополнительно вслед уехавшим.

Завтра выезжает в Москву близкий друг семьи А. А. Блока Евгения Федоровна Книпович. М. б., она смогла бы избавить Вас от каких-нибудь лишних хождений по комиссариатам по этому делу, т. е. снести куда-нибудь по В/указанию нужные бумаги, взять их обратно и принести Вам и проч. С ней же можно было бы и паспорта переслать сюда, если Вы лично задержитесь в Москве. Если вы уедете, не получив их на руки, то, м. б., по Вашей записке их выдадут ей. Она будет иметь на то доверенность и от Блока, но ведь это, кажется, не действительно теперь.

С И. Н. Мечниковым мы сговорились, что паспорта будут переданы ему лично, как только они получатся; он проделает все формальности с визами.

Уважающая Вас Е. С т р у к о в а

В первом письме Л. Д. Блок содержит характеристика состояния Блока, и это одно из прижизненных свидетельств о его болезни.

Возможно, что строки письма Л. Д. Блок о «глубокой и мучительной полосе неврастения», о «нежелании ничего предпринимать для своего спасения и неверии в осуществимость его» дали Горькому повод для более широких и общих выводов о характере Блока, которые он высказывал позже, в частности в письме к Р. Роллану в марте 1928 г., где он замечал, что в последние годы жизни Блок страдал «бездонной тоской», болезнью многих русских, ее можно назвать атрофией воли к жизни» (М. Г о р ь к и й. Собр. соч. в 30 томах, т. 29, с. 83).

В публикуемых письмах со всей определенностью вырисовывается роль Горького, принимавшего самое непосредственное участие в судьбе Блока. «Я знаю о Вашем собственном желании помочь Ал(ександру) Ал(ександровичу) <...> на Вас вся моя надежда, — писала Л. Д. Блок 21 июня и 1 августа: «Благодаря Вам Ал(ександр) Ал(ександрович) получил пропуск за границу».

В письме Л. Д. Блок от 21 июня важна еще одна фраза: «Не обращаюсь к Вам лично, так как не отлучаюсь совершенно из дому». Дело, очевидно, в том, что первый раз Л. Д. Блок обращалась к Горькому именно лично, т. е. приезжала к нему с просьбой о помощи. И произошло это, по всей вероятности, 28 или 29 мая 1921 г.

Как известно, первые тревожные симптомы болезни Блока появились в середине апреля, и состояние его резко ухудшилось во время последней поездки в Москву в начале мая. Болезнь быстро развивалась. 28 мая у Блока случился сильный сердечный приступ, о котором он писал матери вечером этого дня: «У меня уже вторые сутки — сердечный припадок, вроде

твоих <...> я две ночи почти не спал, температура то ниже, то выше 38» (VIII, 538, см. также: М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. Пб., «Алконост», 1922, с. 301). После этого приступа Л. Д. Блок, видимо, и разговаривала с Горьким. Можно предположить, что, узнав от Любови Дмитриевны о тяжелом состоянии Блока, Горький 29 мая написал письмо Луначарскому, в котором сообщил о серьезной болезни поэта (и, в частности, о припадках астмы) и просил «выхлопотать — в спешном порядке <...> выезд в Финляндию, где он «мог бы помочь ему устроиться в одной из лучших санаторий» («Архив А. М. Горького», т. XIV. М., «Наука», 1976, с. 99).

В это время Горький как председатель КУБУ был связан с видными финскими учеными и деятелями искусства, которых он знал еще в предоктябрьские годы и которые именно летом 1921 г. деятельно помогали русским ученым продуктами и способствовали отправке ученых в санатории Финляндии (АГ — протоколы заседаний КУБУ от 3 мая и 26 июля 1921 г.).

В начале июня благодаря активному лечению состояние Блока несколько улучшилось, но затем вновь наступило ухудшение, и 18 июня состоялся консилиум, в котором приняли участие доктор Пекелис, лечивший Блока, профессор Троицкий и специалист по нервным болезням Гизе. Об этом консилиуме писала М. А. Бекетова: «Троицкий вполне согласился с Пекелисом в постановке общего диагноза; он нашел положение крайне серьезным и тогда же сказал Пекелису: „Мы потеряли Блока“... Решено было увезти больного в санаторию за границу» (М. А. Бекетова. Александр Блок, с. 299).

После этого консилиума, 21 июня, Л. Д. Блок и написала Горькому публикуемое здесь письмо.

Очевидно, к этому письму была приложена копия свидетельства врачей, сделанная Л. Д. Блок и заверенная секретарем редакции «Всемирная литература» Е. П. Струковой.

«Мы, нижеподписавшиеся, освидетельствовали 18/VI — 1921 г. состояние здоровья Александра Александровича Блока и находим, что он страдает хронической болезнью сердца с обострением эндокардита и субъективными ощущениями стенокардического порядка (Endocarditis chron. exacerbata).

Со стороны нервной системы имеются явления неврастения; резко выраженной.

А. А. Блок нуждается в продолжительном лечении, причем в ближайшем будущем необходимо помещение его в одну из хорошо оборудованных со специальными методами для лечения сердечных больных санаторий.

Профессор Военно-медицинской академии и Медицинского института П. Троицкий и.

Заведующий Нервным отделением мужской Обуховской больницы доктор медицины Гизе.

Доктор медицины Пекелис. 18/VI — 1921 г. Петроград».

23 июня, уезжая в Москву, Горький, очевидно, взял с собой этот документ. В Москве Горький пробыл до 24 июля. Он вел здесь большую работу по организации помощи голодающим: 1921 год был очень трудным в жизни Советской России. Написанное им воззвание «Честные люди» было адресовано гражданам Европы и Америки и крупнейшим литераторам Запада и призывало помочь народу России. За этот месяц Горький неоднократно встречался с Лениным. Ленин был обеспокоен здоровьем самого Горького, у которого началось кровохарканье. В письме от 9 июля он настоятельно советовал Горькому уехать за границу для лечения.

В начале июля были получены новые известия о Блоке. Как вспоминала Н. А. Нолле-Коган, она была встревожена письмом Блока от 2 июля, где он писал об «остром состоянии» своей сердечной болезни, из которой он не видел «исхода». Она отправила Блоку письмо, в котором сообщала, что П. С. Коган говорил с Луначарским и Горьким о болезни Блока. «Горький сказал Петру Семеновичу, что Вы очень больны, что он делал доклад Ленину, прося выпустить Вас за границу, — писала Нолле-Коган. — Ленин согласился, и Горький передал заявление Менжинскому» (наст. том, кн. 2, с. 355, 364).

Вернувшись в Петроград и узнав о резком ухудшении здоровья Блока, Горький послал Луначарскому срочную телеграмму, в которой указывал на необходимость спешного выезда Блока в Финляндию, а также просил разрешить выезд его жене, так как без провожатого Блок уже не мог передвигаться (см. ЛН, т. 80, с. 294). Любовь Дмитриевна или не знала об этой телеграмме Горького, или возникла новая необходимость ускорить получение разрешения для нее на выезд вместе с Блоком. Разрешение было дано, и 6 августа Луначарский

телеграммой сообщил об этом Горькому (см. «Архив А. М. Горького», т. XIV, с. 100). Судя по всему, Горький сразу же известил Л. Д. Блок, и письмо Е. П. Струковой о том, что было сделано в связи с предстоящим отъездом, переслали Горькому в тот же день, так как 6 августа Горький уехал в Москву. Кстати, письмо Е. П. Струковой уточняет дату отъезда Горького. В письме к Е. П. Пешковой, написанном в начале августа, Горький сообщал, что придет в Москву в ближайшую пятницу или субботу, то есть 6 или 7 августа (см. «Архив А. М. Горького», т. IX. М., «Худож. литература», 1966, с. 211). В ЛЖТ его отъезд в Москву помечен 9...10 августа (ЛЖТ, вып. III, с. 243). Но тогда непонятно, почему Горький, оставаясь в Петрограде, не присутствовал на похоронах Блока.

Стало быть, Горький выехал из Петрограда 6 августа с намерением продолжать хлопоты за Блока, потому что, каким бы плохим ни было состояние Блока, никто не предполагал (и это видно по письму Е. П. Струковой), что конец его так близок.

Горький вернулся из Москвы в середине августа, после 12 числа (в ЛЖТ сказано, что не позднее 15 — там же, с. 244). Поэтому он не был на первом после смерти Блока заседании редакционной коллегии «Всемирной литературы», которое состоялось 12 августа. Отсутствовал Горький и на посвященном памяти Блока заседании редакционной коллегии 26 августа, так как, скорее всего, 25 августа опять уехал в Москву (см. в его письме к Е. П. Пешковой, написанном в среду 24 августа 1921 г.: «Выеду, ~~м~~ожет б~~ы~~ть, завтра, но — вероятнее — во вторник, после заседаний» («Архив А. М. Горького», т. IX, с. 212; дата отъезда, сообщенная в ЛЖТ: 27...30 августа, — нуждается в уточнении. См. там же, с. 246).

В письме Е. П. Струковой речь идет об анкете, необходимой для выезда за границу. В июне Блок отказался ее заполнить, 3 августа ее заполнила Л. Д. Блок. Вот эта анкета:

**«В Народный комиссариат иностранных дел
З а я в л е н и е**

Предоставляя при сем необходимые документы, прошу выдать мне заграничный паспорт для проезда в Финляндию *

Подпись Ал. Блок
Августа «3»1921 г.

Опросный лист

*Александра Александровича Блока
Выезжающего в Финляндию
Через пограничный пункт...*

1. Имя (если таковых несколько, то следует поименовать все)	<i>Александр</i>
2. Фамилия (сложные фамилии выписываются полностью; замужние, разведенные и вдовы указывают также свои девичьи фамилии)	<i>Блок</i>
3. Точное время и место рождения	<i>1880 г. Петербург</i>
4. Настоящее место жительства и с какого времени	<i>Петербург, постоянно</i>
5. Место жительства за последние 5 лет	<i>Петербург, постоянно, за выездами в Москву и др.</i>
6. Точное указание рода и места занятий, занимаемой должности и получаемого оклада	<i>Председатель Управления Большого драматического театра. Жалованье 40 тысяч в месяц.</i>
7. Род занятий за последние 5 лет	<i>Литературная работа</i>
8. Семейное положение (холост, женат, девица, замужем, вдова или разведенная, если есть дети, то их имена и возраст)	<i>Женат</i>
9. Отношение к воинской повинности	<i>Снят с учета 28/II 1921 г.</i>
10. Год призыва на военную службу	<i>Принят на учет 7/II 1919 г.</i>
11. Подданство	<i>русский</i>
12. Подданство родителей	<i>русские</i>
13. Если проситель перешел из иностранного подданства, то какого и когда	—

* Курсивом отмечен рукописный текст.

14. Национальность	<i>русский</i>
15. Партийность	—
16. Куда именно предполагается выезд за границу	<i>в Гельсингфорс и санатории лечение, медицинское свидетельство</i>
17. Точное указание цели поездки и перечисление представляемых к удостоверению документов	
18. Продолжительность поездки	<i>2—3 месяца</i>
19. Поездки за границу в течение последних 3-х лет	—
20. Если имеются за границей родственники, то указать их имена, место жительства и род занятий	—
21. Кто из родственников остается в Советской России	<i>мать</i>
а) Фамилия, имя, отчество	<i>Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттук</i>
б) Чем занимается	<i>пенсионерка</i>
в) Адрес	<i>Офицерская 57, кв. 23</i>
22. Кто из Ваших знакомых, остающихся в Советской России, может поручиться в том, что Ваша деятельность за границей будет лояльна по отношению к РСФСР	

<Подпись> *Ал. Блок*
3 августа 1921 г.

Ваш адрес. *Офицерская 57, кв. 23.*

Эта анкета в двух экземплярах была передана Горькому вместе с письмом Струковой. В письме Струковой речь идет о других лицах, также причастных к хлопотам за Блока. «Завтра выезжает в Москву близкий друг семьи А. А. Блока, Евгения Федоровна Книпович», — писала Е. П. Струкова. Отъезд Е. Ф. Книпович не состоялся. Как вспоминала Н. А. Павлович: «Утром (7 августа 1921 г. — *Н. Д.*) ко мне вошла Женья Книпович. Она вернулась с Московского вокзала: по просьбе Любви Дмитриевны она должна была поехать в Москву хлопотать о визе для сопровождения Александра Александровича в Финляндию в санаторий. Она позвонила к Блокам и узнала, что час назад Александр Александрович скончался» (Надежда Павлович. Воспоминания об Александре Блоке. — «Прометей», № 11, М., «Мол. гвардия», 1977, с. 252; см. также: Е. Ф. Книпович. Об Александре Блоке. — Наст. том, кн. 1).

Илья Николаевич Мечников — племянник известного ученого И. И. Мечникова, работал в издательстве З. И. Гржебина и по делам издательства выезжал в Финляндию, был хорошо знаком с финскими учеными и деятелями искусства, в частности с профессором Андреем Викторовичем Игельстромом (или Ингельстромом).

Профессор А. В. Игельстром, которого Горький знал еще по пребыванию в Финляндии в 1906 г., участник революционных событий в Финляндии, в августе 1921 г. приезжал в Петроград с делегацией Финского Академического комитета и вместе с другими членами делегации 2 августа 1921 г. присутствовал на заседании Петрокубу, где в числе других обсуждался вопрос о помощи финских ученых ученым России. Поэтому И. Н. Мечников мог лично говорить с А. В. Игельстромом по поводу быстрее оформления бумаг Блока.

Следует сказать еще о двух документах Архива А. М. Горького: о протоколах заседаний редколлегия «Всемирной литературы» после смерти Блока.

Блок и «Всемирная литература» — тема обширная. Почти три года Блок был связан с этим издательством и через него — с Горьким.

В редакции «Всемирной литературы» были произнесены знаменательные слова Блока о Максиме Горьком в связи с его пятидесятилетием, прочитана статья «Крушение гуманизма». Для издательства «Всемирная литература» были написаны предисловие к сочинениям М. Ю. Лермонтова и важная для блоковской концепции культуры статья о Гейне, ряд рецен-

зий. Для секции исторических картин — пьеса «Рамзес» и пояснения к ней. Направление деятельности «Всемирной литературы» натолкнуло Блока на идею создания Библиотеки мирового репертуара. Много пометок о работе во «Всемирной литературе» встречается в «Записных книжках» Блока.

К сожалению, сохранившиеся в Архиве А. М. Горького протоколы (а сохранились не все) заседаний Секции исторических картин и редколлегии «Всемирной литературы» (см. фонд А. Н. Тихонова, оп. 2) отличаются крайней скупостью изложения. По ним можно лишь уточнить, кто присутствовал на заседаниях, какие вопросы обсуждались, кто выступал и какие решения были приняты в результате обсуждения.

Поэтому протоколы могут помочь только при уточнении факта присутствия Блока на том или ином заседании, его выступлений, порученных ему дел. Надо сказать, что Блок очень аккуратно посещал заседания и секции и редколлегии.

В Секции исторических картин, пожалуй, наибольший интерес представляет прохождение его пьесы «Рамзес», написанной специально по заказу этой секции в 1919 г.

На заседании 14 мая 1920 г. был решен вопрос о первоочередности представленных к постановке исторических пьес, и среди других была названа пьеса «Рамзес», однако уже 18 мая представитель БДТ А. Н. Лаврентьев сообщил, что директор БДТ А. И. Гришин считает эту пьесу недостаточно сценичной, а отдельные эпизоды, такие, как появление Озириса, сценически невыполнимыми. Это заявление Лаврентьева обсуждалось на заседании 25 мая, и мнение представителей БДТ было оспорено. Секция считала, что нужны не такие пьесы, которые могут идти на любой сцене, а «специфические». Было решено настаивать на постановке «Рамзеса» и просить Блока написать к «Рамзесу» два авторских предисловия, т. е. авторское слово к публике и авторское пояснение к пьесе. Примечание было написано (экземпляр хранится в Архиве А. М. Горького), и 12 августа пьеса была вновь рекомендована к постановке Петроградским ТЕО, однако постановка не осуществилась, так как Секция исторических картин не получила своего театра (см. протокол от 16 сентября 1920 г.).

На заседании Секции исторических картин Блок выступал и как рецензент представленных в секцию пьес, в частности пьесы А. Чапыгина «Олег Гориславич» (см. VI, 429—431), вокруг которой разгорелись споры, пьесы А. Бежецкого «История восстания в Нидерландах» (см. VI, 431—432) и др.

На секции же 10 июня 1920 г. были заслушаны вступительные статьи, точнее, речи Блока о «Разбойниках» Шиллера и «Много шуму из-за пустяков» Шекспира.

Протоколы заседаний редколлегии «Всемирной литературы», как уже сказано, очень лаконичны. В записях этих протоколов наибольший интерес представляет выступление Блока по поводу редактирования М. Шагинян либретто «Золота Рейна» Р. Вагнера (8, 18 и 22 февраля 1921 г.).

Кроме этого, представляют интерес два протокола заседаний редколлегии издательства «Всемирной литературы», происходивших после смерти Блока. Приведем их полностью.

Протокол заседания от 12 августа 1921 г.:

«Присутствовали В. М. Алексеев, Е. М. Браудо, Б. Я. Владимирцев, А. Л. Волинский, И. Ю. Крачковский и Б. П. Сильверсван.

Обсуждали.

Открывая заседание, председатель Коллегии А. Л. Волинский предлагает почтить вставанием память скончавшегося 7 августа члена коллегии Александра Александровича Блока. Память покойного почтена вставанием.

После краткой речи А. Л. Волинского Коллегия постановляет:

1. Ближайшее очередное заседание, имеющее состояться в пятницу 26 августа в 4 часа дня, посвятить исключительно памяти скончавшегося члена коллегии А. А. Блока. Предложить А. Белому, Иванову-Разумнику, В. А. Зоргенфрею и сотрудникам издательства принять участие в заседании.

2. Отслужить панихиду в помещении издательства в девятый день кончины А. А. Блока, то есть 15 августа.

3. Поместить в комнате заседаний издательства портрет А. А. Блока.

4. Благодарить лиц, озаботившихся покупкой цветов, возложенных на гроб А. А. Блока от лица членов коллегии и служащих издательства. А. Л. Волинский, Б. П. Сильверсван (АГ, ф. А. Н. Тихонова, оп. 2, ед. хр. 54).

26 августа 1921 г. состоялось заседание памяти Блока.

«Присутствовали: Алексеев, Браудо, Владимирцев, Вольтский, Крачковский, Лернер, Сильверсван, Ганзен.

Из сотрудников и гостей: С. М. Алянский, В. А. Пяст, В. А. Зоргефрей и др.

Председатель А. Л. Вольтский открывает заседание предложением почтить память покойного вставанием и произносит краткую речь. Затем слово предоставляется Е. М. Браудо, который делится своими воспоминаниями о последней своей встрече с А. А. Блоком. На отдельные вопросы о последних днях жизни поэта отвечает С. М. Алянский, — после этого с кратким словом выступают В. Н. Пяст, М. Л. Лозинский, Н. О. Лернер и В. А. Рождественский.

После заключительной речи председателя собрание закрывается. А. Вольтский, Б. Сильверсван» (там же, ед. хр. 55).

В Архиве А. М. Горького хранится машинопись известной рецензии Блока «О Дмитрие Семеновском» с надписью-резолюцией Горького: «Перепечатать на машинке, дать мне два экземпляра, оригинал — автору. А. П.».

Рецензия помечена 8 июня 1919 г. (АГ).

Несколько лет спустя, в 1926 г., Д. Семеновский вспоминал: «Статья Блока написана по следующему поводу. — Весной 1919 г. я собрал все свои стихи в 3 сборника: „Заревые знамена“ (революционные стихи), „Иконостас“ (церковные) и „Сомнительные стихи“ (ни хорошие, ни плохие). Сборники я послал Горькому, — мне хотелось издать книжку. Горький, очевидно, передал их для отзыва Блоку, который и написал статью „О Дмитрие Семеновском“» (Д. Семеновский. Мир хорош. М., изд-во «Круг», 1927, с. 7; см. также: Д. Семеновский. Избранное. Иваново, 1955; «Рабочий край», 11 августа 1946 г.). Оригиналы перепечатанной статьи были переданы, однако, не Блоку, а Д. Семеновскому, о чем свидетельствуют письма М. Слонимского, бывшего в 1919 г. секретарем издательства З. И. Гржебина, к Д. Семеновскому и Д. Семеновского — Горькому.

1

Петербург, июня 19 дня 1919 г.

Тов. Семеновский,

прошу Вас очень вернуть оригинал посланной Вам рецензии А. Блока, — автору желательно было бы сохранить оригинал этот у себя.

Рецензию эту посылаю Вам в перепечатанном виде.

Оригинал прошу отправить заказным письмом по адресу Алексея Максимовича, чтобы он не мог пропасть.

С товар. прив. секретарь изд-ва М. С л о н и м с к и й

2

С великим извинением возвращаю Вам, Алексей Максимович, рукопись Блока, присланную мне ошибочно.

Я давным-давно был должен отослать ее Вам, но преклонение пред поэзией Блока сделало для меня дорогой и его рукопись. Вот почему я так долго задерживал ее.

Ваш Д. Семеновский

21 дек. 1920 г.

Публикуемые документы, уточняя историю написания статьи, помогают прояснить некоторые более широкие проблемы.

Как известно, Горький обращался к Блоку с просьбой прочитать не только стихи Д. Семеновского, но и других иваново-вознесенских поэтов: И. Жижина и С. Семина. В «Записных книжках» Блока за 1919 г. есть пометки: «12 мая. У Горького (о журнале). Отдать ему стихи Семина и Жижина (из Иваново-Вознесенска). Томительно и неискренно»; «6 июня... Стихи Семеновского (Горький и Гржебин)» и «24 августа... О стихах Ив. Жижина» (ЗК, 460, 462,

472). Отзывы Блока о стихах Ив. Жижина и С. Семина не найдены, хотя слова в «Записной книжке» — «томительно и неискренно» — достаточно характеризуют отношение Блока к этим поэтам, но к Жижину Блок, как это следует из другой записи, обращался вторично.

Стихи Д. Семеновского, И. Жижина и С. Семина Горький, возможно, хотел дать в журнал, который он собирался тогда издавать. Не случайно первая запись Блока о стихах Семина и Жижина связана с его разговором с Горьким о журнале.

Отзыв Блока о Дмитрие Семеновском свидетельствует об очень серьезном отношении великого поэта к начинающему автору. Блок почувствовал, что перед ним «подлинный поэт» (VII, 343), и потому скрупулезно и тщательно прочитал все тетради Д. Семеновского. В его анализе не было скидок на молодость и неопытность. Поэтому, какими бы резкими ни были замечания Блока, они с благодарностью были приняты Семеновским.

Думается, что, поддерживая Семеновского и других иваново-вознесенских поэтов и обращая на них внимание Блока, Горький хотел до известной степени противопоставить их как поэтов подлинных — поэтам пролеткультовским, которые сбивались на декламацию — «на-свистанность», как писал Блок в том же отзыве о стихах Д. Семеновского (VI, 343).

Несколько позже, в 1930 г., в предисловии к книге Д. Семеновского «Земля в цветах» Горький подтвердил эту мысль, высказанную Блоком и укрепившую его собственное мнение о поэзии Д. Семеновского: «Он — поэт настоящий, „от земли“, — поэт, которого должен знать наш массовый читатель» (М. Горький. Полн. собр. соч., т. 25, с. 267).

Почти одновременно с Блоком об иваново-вознесенских поэтах, чьи стихи (И. Жижина, М. Артамонова, С. Семина, Д. Семеновского и др.) вошли в сборник «Крылья свободы», благожелательно писал А. В. Луначарский в статье «Новая поэзия» («Известия ВЦИК», 27 ноября 1919; опубл. также: Собр. соч., т. 2, с. 216—220).

Несомненно, что, читая стихи рабочего поэта Д. Семеновского, Блок думал о путях развития новой поэзии. Об этом размышлял в своей статье и Луначарский. Утверждение подлинности было для них ее важнейшим критерием.

В этой связи нельзя не вспомнить еще об одном важном документе, который постоянно привлекает внимание историков советской литературы. Это — записка В. И. Ленина Ш. Н. Манучарьянц, написанная в конце января 1921 г.:

«Прошу достать (комплект) „Рабочий край“ в Ив.-Вознесенске. (Кружок настоящих рабочих поэтов.)

Хвалит Горький { Жижин
 { Артамонов
 { Семеновский»

(В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, с. 58).

Можно с уверенностью предположить, что, когда Горький хвалил Ленину иваново-вознесенских поэтов, как настоящих рабочих поэтов, он опирался и на мнение Блока.